

Иван Гончаров

СЧАСТЛИВАЯ
ОШИБКА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г65

Гончаров И.

Г65 Счастливая ошибка / И. Гончаров. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 120 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72710-5

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Ивана Гончарова «Счастливая ошибка».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72710-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИХАЯ БОЛЕСТЬ	5
СЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА	63

ЛИХАЯ БОЛЕСТЬ

В декабре 1830 года, когда холера находилась еще в Москве, но уже значительно уменьшилась, из двухсот пятидесяти кур пятьдесят в самом непродолжительном времени лишились жизни.

**Ученая брошюра о действиях холеры
в Москве, доктора Христиана Лодера;
Москва; страница 81**

Читали ли вы, милостивые государи, или по крайней мере слышали ли о странной болезни, которою некогда были одержимы дети в Германии и Франции и которой нет названия и другого примера в летописях медицины; именно: в них поселялось какое-то непостижимое стремление идти на гору св. Михаила (кажется, в Нормандии).

Тщетно отчаянные родители старались удержать их: малейшее сопротивление их болезненным желаниям влекло за собою печальные следствия жизнь детей медленно угасала. Удивительно? не правда ли? — Не будучи знаком с литературою медицины, не следуя за ее открытиями и успехами, я не могу сказать вам, объяснен ли этот факт или по крайней мере подтверждено ли его вероятие; но зато с своей стороны сообщу свету о подобной же не менее странной и непостижимой эпидемической болезни, губительных действий которой я был очевидным свидетелем и чуть не жертвою. Предлагая наблюдения мои со всевозможною

подробностию, я осмеливаюсь предупредить читателя, что они не подвержены никакому сомнению, хотя, к сожалению, не запечатлены верностью взгляда и ученым изложением, свойственным медику.

Прежде нежели опишу этот недуг со всеми его признаками, долгом поставляю уведомить читателя о тех осябах, которые имели несчастье испытать его.

Несколько лет назад я познакомился с добрым, милым, образованным семейством Зуровых и проводил у них почти все зимние вечера. Время неприметно текло среди их самих, среди круга их знакомых, наконец, среди тех удовольствий, которые они избрали и допустили в своем доме. Там, правда, не было карт, и напрасно праздный старик или избалованный бездействием, мучимый головою и душевною пустотою юноша стали бы искать денег и развлечения в этом занятии: надежды их никогда не сошлись бы с благородным образом мыслей Зуровых и их гостей; но зато танцы, музыка, а чаще всего чтение, разговоры о литературе и искусствах поглощали зимние вечера.

С каким удовольствием вспоминаю я эту густую толпу друзей, осаждавшую большой круглый стол, перед которым на турецком диване сживала Мария Александровна, добрая хозяйка, и разливала чай, а сам Алексей Петрович ходил обыкновенно с сигарою и чашкою холодного чая вдоль по комнате, по временам останавливался, вмешивался в разговор и опять ходил. Помню и восьмидесятилетнюю бабушку, разбитую параличом, которая, сидя поодаль в укромном уголке на вольтеровских креслах, с любовью обращала ту-

склый взор на свое потомство, и соленая слеза мирного счастья мутила глаза ее, и без того расположенные к слепоте. Помню, как она поминутно подзывала младшего внука Володю и гладила его по голове, что не всегда нравилось резвому мальчику, и он часто притворялся, будто не слышит ее призыва. Сверх всего этого, бабушка была презамечательная особа во многих отношениях; а потому да позволено будет мне сказать еще несколько слов о ней: она сидела, как было упомянуто выше, постоянно на одном месте и владела только левою рукою: подивитесь же деятельности! умела употребить и единственную свою длань с пользою для общества; следовательно, несмотря на угасшие силы и едва таившуюся искру в ветхом сосуде жизни, занимала почетное звено в цепи существ. Когда утром внуки и внучки, подняв ее с постели, усаживали в кресла, тут она поднимала левою рукою с материнскою заботливостью стору у окна, и Боже сохрани, если б кто другой предупредил ее! Но только ли еще? Ужели умолчу о главной ее способности, которая дорого покупается бедным человечеством, — увечьем на службе или параличом; бабушка купила последним. Дело в том, что она во всякое время предсказывала погоду и служила как бы домашним живым барометром. Так, ежели Марье Александровне, Алексею Петровичу или кому-нибудь из старших внуков нужно было идти со двора, то предварительно спрашивали ее: «Матушка (или бабушка), какова-то погода будет?» — и она, пощупав который-нибудь из онемевших членов, как вдохновенная сивилла, отрывисто отвечала: «Снежно — ясно — оттепель

великий мороз», — смотря по обстоятельствам, и никогда не обманывалась. Не полезно ли иметь такое сокровище в семействе? Помню и старого заслуженного профессора, который, оставив кафедру политической экономии, с большим успехом занимался еще исследованием разных сортов нюхального табаку и влияния его на богатство народов. Помню, наконец, свое место подле племянницы Зуровых, чувствительной, задумчивой Феклы, с которой я любил беседовать тишком о разных предметах, например о том, долго ли могут проноситься чулки после штопанья или сколько бы аршин холста потребовалось мне на рубашки и проч., на что она всегда давала ясные и удовлетворительные ответы. Помню, как острые, но не язвительные шутки сыпались со всех сторон и возбуждали дружный хохот; помню... Но простите, милостивые государи и государыни, что не могу привести в ясность и разместить в приличном порядке всех воспоминаний: они смешанной толпой теснятся в мою голову и выжимают оттуда слезы, которые струятся по щекам и потом орошают сию писчую бумагу. Позвольте обтереть их: иначе не дождетесь моего рассказа...

Ну вот теперь я покойнее и могу снова заняться своим предметом, от которого отворотили меня умиление и сострадание. «Сострадание? — спросите вы, — как? почему? какое?» Да, сострадание, милостивые государи и государыни, глубокое сострадание. Я был связан к моим знакомым не только душевными, но и сердечными узами, которые хотел укрепить законным образом. Вспомните мой давешний намек на разговор

с Феклой: это не даром; гм! понимаете? Как же не плакать, как не терзаться, когда подумаю, что все семейство, начиная с бабушки и до шалуна Володи, погибло, погибло не возвратно жертвою страшной эпидемии, которая, к счастью, удовольствовалась этим, хотя и распространилась было и между знакомыми их, но те впоследствии избежали ее. Вот, извольте видеть, как это происходило.

Я вначале упомянул, что проводил у Зуровых зимние вечера, а об летних не сказал ни слова потому, что я летом не жил в Петербурге, а уезжал, по приглашению дяди-старика, к нему в деревню пить с ним, по его настоятельным просьбам, домашние наливки, из которых рябиновка, приготовленная по особенному рецепту, могла, как утверждал он, восстановить порядок в моей нервной системе, а простокваша и варенцы, любимый его полдник, предохранить от желудочных болей, которым я был тогда подвержен. Как на минеральные воды, целые три лета сряду ездил я в деревню лечиться и взял три таких курса; но на четвертое небесам угодно было послать два страшные бедствия на ту губернию, где жил дядя: первое — неурожай на ягоды, вследствие чего наливочные бутылки остались пусты и празды; и второе скотский падеж, столь сильный, что число трехсот пятидесяти голов скота сократилось в три, варенцы и простокваша оскудели; дядя мой, видя, что белый счет мало-помалу теряет свою заманчивость и что любимые его занятия исчезают, с горя также пал вместе с последнею любимую коровою и оставил меня наследником имения. — Остаток лета я употребил на

приведение в порядок дел, а к началу зимы возвратился в Петербург. Первый мой визит был, разумеется, к Зуровым. Мне обрадовались. Я нашел все по-прежнему, и зима опять застала те же лица в теплой зале Зуровых, за тем же чайным столом, меня опять подле Феклы, Алексея Петровича с сигарою, Марью Александровну, с прежнею любезностью и умом, за нескончаемою от века работою, вышиванием ковра по канве, начатого ею еще до замужства. В детях только произошли некоторые перемены: старший сын возмужал, вступил в университет и начал прислушиваться к шороху женского платья, а младший перестал прятать у своего учителя-немца платок с табакеркой и сажать бабушку мимо кресел, да еще бабушка сама усугубила деятельность и в забывчивости опускала стору середь дня или, отходя ко сну, поднимала ее. Впрочем, все остальное было по-прежнему.

Быстро проходила зима; вечера стали короче; бабушка перестала предсказывать о великом морозе; на языке у ней чаще вертелось слово «оттепель». Настал апрель; солнце пламенным лучом проводило последний зимний день, который, уходя, сделал такую плачевную гримасу, что Нева от смеху треснула и полилась через край, а суровая земля улыбнулась сквозь снег. Ветреная щебетунья ласточка и верхолет жаворонок уже донесли о наступлении весны. В природе поднялся обычный шум: те, которые умирали или спали, воскресли и проснулись; все засуетилось, запело, запрыгало, заворчалось, заквакало — на небеси горе, и на земли